

DOI: 10.19181/inter.2026.18.1.8

EDN: VLJYFM

Сенситивность «знакомого» поля: схожесть опыта и границы объективности в биографическом интервью

Ссылка для цитирования:

Скороходова Н.Д. Сенситивность «знакомого» поля: схожесть опыта и границы объективности в биографическом интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2026. Т. 18. № 1. С. 146–156. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.1.8> EDN: VLJYFM

For citation:

Skorokhodova N.D. (2026) Sensitivity of a Familiar Field: Similarity of Experience and the Limits of Objectivity in a Biographical Interview. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 18. No. 1. P. 146–156. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.1.8>

Скороходова Нина Дмитриевна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ndskorokhodova@hse.ru

В статье рассматривается сенситивность социологического поля, возникающая не традиционно вследствие его травматичности, закрытости или этической опасности, а из-за схожести жизненного опыта исследователя и информанта. Опираясь на материал биографического интервью, исследовательница рассматривает, каким образом близость к полю и информанту (возрастная, биографическая и контекстуальная) трансформирует исследовательскую ситуацию, размывая границы между пониманием и интерпретацией, эмпатией и методологическим участием. Демонстрируется, как знакомство исследователя с полем способствует воспроизводству социально одобряемого нарратива, в частности фигуры «правильного» субъекта мобильности. Также в статье отмечается, что в ситуациях схожего опыта методологический инструментарий из фиксированного набора вопросов превращается в чувствительный к контексту элемент исследовательской практики.

Особое внимание автор уделяет рефлексивной позиции интервьюера и тем рискам для объективности данных, которые возникают при работе

с «простыми» и хорошо знакомыми полями. Предлагается рассматривать схожесть опыта как самостоятельный источник сенситивности и подчеркивает необходимость методологической рефлексии, направленной не только на защиту информанта, но и на осознание исследовательской ответственности в ситуациях близости к изучаемому полю.

Ключевые слова: интервью в качественных исследованиях; исследовательская рефлексия; биографический нарратив; молодежные исследования

Введение

Я — социолог со стажерским опытом, то есть начинающий исследователь. Большую часть моих методологических знаний составляют обсуждения и рефлексии старших коллег и наставников, за плечами у которых большой опыт. Но наверняка в жизни каждого опытного исследователя были не совсем удачные интервью или те, о которых пришлось много размышлять. Интервью как метод активно развивается и выходит за рамки классической стационарной беседы, обретая динамичные формы (например, go-along или онлайн-интервью). Однако при этом биографические интервью все еще скрывают в себе привычные ловушки. Например, исследователи отмечают, что интервью требуют особого внимания при (пере)распределении контроля между исследователем и изучаемым. Процедура интервью организуется таким образом, чтобы предоставить вовлеченным в него участникам больше автономии, инициируя динамический характер распределения власти в процессе интервью. На терминологическом уровне такой переход к вовлеченности проявляется в частом упоминании информанта, или объекта исследования, как участника, или субъекта [Веселкова и др., 2017].

Проблема взаимоотношений между исследователем и исследуемым затрагивает также и вопрос позиционирования исследователя и его включенности в поле. Особое значение этот аспект приобретает не только в очевидно сенситивных полях, но и в полях «знакомых». Такими полями в данной статье я считаю те, в которых исследователь либо лично знаком с социальным окружением, жизненными обстоятельствами и опытом информантов, либо, в ряде случаев, сам обладает сходным биографическим опытом. Именно в таких полях границы между профессиональной дистанцией, эмпатией и аналитической объективностью оказываются особенно подвижными.

В методологически ориентированных исследованиях авторы иногда прибегают к использованию максимы «делай привычное непривычным» (*making the familiar strange*). Такой взгляд на особенность социологического воображения предполагает, что основным препятствием на пути к социологическому знанию является наше восприятие его как фиксированного и понятного. Для преодоления этого препятствия предлагается опираться на четыре понятия — овеществление, привычность, странность и дефамилиаризация [Gunderson, 2020]. Наиболее интересной для обсуждения дилемм

объективности и сенситивности является дефамилиаризация — отстранение (дистанцирование) от знакомого опыта.

Когда речь заходит о сенситивных полях, внимание исследователей, как правило, фокусируется на работе с травмирующим опытом, уязвимыми группами, закрытыми или труднодоступными полями, а также потенциально опасными социальными контекстами. В кулуарных дискуссиях нередко звучит и критика того, что сенситивные поля экзотизируются, в особенности начинающими исследователями, которые только знакомятся с правилами внутривидовой этики, развивая свой профессиональный подход. Для них такие уязвимые поля оказываются перегруженными этическими дилеммами и рисками.

На мой взгляд, понимание сенситивности, основанное на классической оппозиции «опасное — безопасное» или «травмирующее — мягкое», оставляет в тени менее очевидные, но не менее значимые формы исследовательского риска. Они могут возникать в повседневных, на первый взгляд «безопасных» и «простых» полях. Такие поля кажутся притягательными, к примеру, из-за легкости рекрутинга. Например, распространено мнение, что поиск студентов в молодежных исследованиях осуществляется беспроблемно: молодежь часто онлайн, поэтому посты о поиске информантов или прямые сообщения с приглашением на интервью (гипотетически) работают эффективно. Однако при сборе данных исследователи сталкиваются с отменами, переносами или даже игнорированием со стороны информантов, что вынуждает команду искать новые пути рекрутинга.

Еще одной причиной, по которой «простое» поле привлекает некоторых исследователей, является знание контекста изучаемой проблемы (раз я знаю проблему, то и нужный вопрос сумею задать). Но здесь и кроется скрытая угроза удобного поля. Похожесть опытов или предварительная экспертность интервьюера встают на пути производства объективного знания. Более того, в ситуации, когда исследователь не соблюдает баланс объективности, «простое» поле оборачивается большой методологической ловушкой. Смещается роль исследователя. Знание контекста и предварительная экспертность работают уже не как ресурс, а как фильтр. Сквозь этот фильтр проходят нарративы информанта, и он сам начинает подстраиваться под существующие представления о норме и успехе.

В данной статье я рассматриваю качественное интервью как сенситивное поле нормативного согласия, в котором исследователь становится заложником своего опыта и попыток соблюдать объективность. Важно отметить, что под объективностью здесь подразумевается не абсолютная истина, а валидность и рефлексивный контроль за тем, как личный опыт исследователя сказывается на сборе данных.

Одновременно можно предположить, что интервью (и интервьюер, знакомый с контекстом беседы) поддерживает легитимизацию успешного жизненного опыта, о котором рассказывает информант. Это создает неуловимую сенситивность, которая не проявляется в физической или психологической угрозе для участников исследования. Она скрывается гораздо глубже, на уровне аналитических и этических действий социолога. Предлагаемое

в данной статье мнение не подвергает сомнению традиционные и устоявшиеся принципы сбора качественных данных, а скорее выступает как попытка расширить представление о сенситивных полях и рассмотреть интервью как пространство аналитического риска, требующее рефлексивного осмысления.

На материале одного глубинного интервью со студентом, переехавшим из небольшого поселка в мегаполис для обучения в университете, в статье показывается, каким образом в ходе интервью воспроизводилась фигура «правильного» субъекта мобильности: мотивированного, заслуживающего доступа к ресурсам мегаполиса и одновременно демонстрирующего лояльность по отношению к месту своего происхождения. Отмечу сразу, что анализ не будет фокусироваться на репрезентативности рассказа, ведь удостовериться в подлинности опыта мы не можем (и не ставим перед собой такую задачу всякий раз, нажимая кнопку «запись»). Методологически мы доверяем нарративам информантов. Анализируя это интервью, я уделяю особое внимание механизмам, делающим возможной именно такую, «правильную» версию субъекта. Я рассмотрю также и некоторые высказывания интервьюера, которые потенциально подчиняются воспроизводству социально одобряемого образа субъекта.

Почему «простое» поле вообще становится сенситивным?

В тексте я беру «простое» поле в кавычки, чтобы не давать ему однозначной оценки. Любопытно, что даже написание этого текста напоминает балансирование на канате объективности. Вернемся к интервью как основному инструменту сбора качественных данных. Такие данные посвящены субъективному опыту, биографиям, жизненным практикам и смыслам, которые информант приписывает социальным действиям. При этом граница между нейтральностью при извлечении жизненного опыта и исследовательским влиянием в его конструировании во время интервью оказывается едва различимой, так как в процессе беседы информант не просто рассказывает о себе, но активно соотносит свою биографию с ожиданиями исследователя и нормативными рамками допустимого повествования. В свою очередь, со стороны исследователя попытки избежать предвзятости можно увидеть в минимизации личного вторжения интервьюера в повествование, стандартизации вопросов и контроле над комфортом взаимодействия внутри пары интервьюер — информант. Однако в рамках качественной методологии очевидно, что подобная нейтральность не является состоянием, естественно зарождающимся после начала интервью. Нейтральность скорее становится нормативным идеалом, который сам по себе структурирует поведение участников интервью и их ожидания относительно допустимых форм высказывания.

В ситуации интервью исследователь неизбежно выступает не только как собиратель данных, но и как партнер, чье присутствие, статус и способы реагирования формируют рамки того, *что* может быть рассказано и *каким образом*. Тем самым субъективность интервьюера не просто вмешивается в процесс извлечения опыта, но становится неотъемлемым элементом производства

знания, определяет траектории рассказа и формы самопозиционирования информанта.

Попытка жестко развести объективность и субъективность в этом контексте приводит к методологическому парадоксу: чем настойчивее исследователь стремится к нейтральности, тем менее видимым становится его реальное участие в формировании данных. В результате интеракционное измерение интервью оказывается вытесненным из аналитического поля, хотя именно оно во многом определяет содержание и форму получаемых нарративов.

Контекст интервью

Интервью, выбранное для методологической рефлексии, взято из базы моего текущего исследования, посвященного опыту образовательной миграции внутри России. Сомнения начались еще до выхода в поле: в начале своего академического пути я сама переехала в мегаполис и тревожилась, что опора на личный опыт во время проведения исследования создаст риск аналитической «слепоты», из-за которой отдельные аспекты работы останутся неосвещенными, потому что покажутся мне очевидными. Так, при самом первом составлении гйда интервью вопросы о процессе переезда (каким образом осуществлялся переезд, кто помогал перевозить вещи, как много вещей привезли с собой и т. д.) не вошли в список. Лишь при повторном рецензировании я обнаружила, что пропустила этот блок ввиду кажущейся мне очевидности. Естественным образом я заранее, за информанта, ответила на эти вопросы: а) вероятно, информанты использовали самолет; б) вероятно, им помогали родители или друзья; в) вероятно, количество вещей насчитывало не один чемодан. Такая «слепота» возникла из-за моего непосредственного знакомства с контекстом переезда на дальние расстояния. Перед вами пример настоящей методологической несправедливости по отношению к информанту, которая, к счастью, была вовремя устранена. Отмечу, что такое исследовательское упущение многое привнесло в итоговый процесс сбора данных и послужил напоминанием о том, что в интервью не бывает «ненужных» вопросов.

Интервью проходило очно, мы с информантом выбрали тихое место, в котором ничто не мешало встрече. Информант заметно волновался, это был его первый опыт участия в социологическом исследовании. Я объяснила цель нашей беседы, обозначила формальные моменты (запись и анонимизацию), информант задал уточняющий вопрос о формате интервью. Все недопонимания устранены — можно начинать.

Активное интервью как интеракция

Опираясь на концепцию активного интервью [Holstein, Gubrium, 1995], я рассматриваю данное интервью с точки зрения сдержанного метода без вмешательств, не допускающего искажений (так называемых biases).

Социологическое интервью в то же время может намеренно создавать прецеденты для возникновения новых, более осмысленных нарративных позиций следующим образом. Активный интервьюер предлагает подходящие рамки и способы концептуализации, при этом активный информант привносит в беседу широкий спектр повествовательных ресурсов. Активному информанту не требуется особых подсказок: зачастую ввиду индивидуальных особенностей человек действительно разговорчив и открыт к беседе, повествует о своем опыте с увлечением.

Исследовательский интерес к жизненному опыту информанта способствует размыванию границ обыденности: социолог переключает повседневность из режима очевидности в режим рефлексивного осмысления. Это заметно на эмпирическом материале, когда после заданного вопроса информант начинает останавливаться на деталях, возвращаться к уже рассказанным эпизодам и переосмысливать их, переводя привычные элементы повседневности в регистр объяснения и оправдания. Так, ответ на вопрос о текущей занятости (кем Вы работаете?) сразу привел информанта к более глубокой рефлексии:

«Я подрабатываю, в онлайн-школе работаю, да. Поэтому какой-то небольшой доход — он имеется. Потихоньку-потихоньку к самостоятельной жизни, я думаю, приду. Но сейчас я самостоятельность могу обрести в этом городе большом. Находясь вдали от родителей, от друзей, я могу понять, кто я на самом деле и на что я готов, именно я. То есть, понимаете, там я мог обратиться, там, помощи. Я всегда мог быть не один. Здесь ты все-таки один, да, я все-таки один. В первую очередь один...»

В данном отрывке мы подмечаем последовательный и рационализированный ответ, содержащий биографическую интерпретацию опыта через призму осмысленных ощущений. Информант транслирует свой опыт в соответствии с логикой социально легитимного нарратива взросления: комментирует необходимость выстраивания карьерного пути, самостоятельного обеспечения своей жизни. Происходит также и переход к описанию самостоятельности как ресурса для трансформации своей идентичности из молодого во взрослого. Завершается высказывание ощущением одиночества, которое сопровождает процесс взросления в большом городе. Информант начинает рассказ через фактическое самоописание, представляя себя интервьюеру через профессию, в которой он занят. Затем факт вырастает в рефлексивный комментарий, отражающий замотивированность и нормативную «правильность» позиции молодого человека. Кризис, описанием которого завершается цитата, выступает скорее в роли нормализованного испытания, не требующего дополнительного объяснения.

Любопытно, что следующей фразой, произнесенной информантом в интервью, становится риторический вопрос: *«И здесь проверка тебя: готов ли ты [быть один]?»*. Далее некоторое время мы провели в тишине, потому что этот вопрос прозвенел и навис над нами: над информантом, который раскрывает

мне свой опыт, и надо мной, которая свой опыт старается всячески отодвинуть на задний план. Такое молчание — пример нормативного согласия, где мой схожий опыт заблокировал уточняющий вопрос, который мог бы углубить тему одиночества в процессе мобильности.

Хочется ненадолго вернуться к тезису о схожести опыта. Ранее я упомянула, что знакомство с контекстом интервью может быть как полезным, так и разрушающим. В данном случае эмпатия приобрела форму исследовательскую (выраженную в молчаливом согласии и мягком переходе к следующему вопросу гайда), а не превратилась в эмпатию человеческую. Как отмечают Н. Веселкова с соавторами [2017], вопрос о распределении контроля в интервью требует постоянной рефлексии. Так, даже внешне нейтральная позиция может скрывать неявные формы власти. Авторы подчеркивают, к примеру, что «структурированный вопрос может вызвать не меньше подозрений о проверке, чем абстрактный» [Веселкова и др., 2017]. Власть осуществляется независимо от формата вопроса или формулировки высказывания, она может проявляться и невербально. Эта идея оказывается ключевой для понимания описываемого мной случая. Мое молчаливое согласие, которое при первоначальной рефлексии я интерпретировала как методологически корректное невмешательство, можно также рассматривать как осуществление символической власти над информантом. Через мягкое, поддерживающее согласие нормативное давление становится менее видимым, а тем самым менее заметным и для исследователя. Такое отношение к мягкому согласию отличает (методологически) интервью от беседы: в привычном разговоре можно было бы посочувствовать и, как принято, поделиться своей стороной проблемы. В социологическом интервью сочувствие, безусловно, допустимо, но его границы очерчены более четко.

Рефлексирующий субъект, коим является информант, также склонен самостоятельно формулировать вопрос, совпадающий с предполагаемой логикой интервью:

«И вот эта история [города]: ты живешь в истории, учишься в истории, пропитываешься этой историей. Вдохновляет! Больше чем в [название города], мне кажется. Почему не остался [в родном регионе]? Или это уже в следующем вопросе?»

Эта реплика свидетельствует не только о рефлексивности информанта, но и о его ожиданиях в исследовательской ситуации, где биография должна быть выстроена в виде последовательного и рационального нарратива.

«Поэтому сейчас уже не скрывают, что [в родном регионе] тяжелее экзамены. Но ребята все равно, несмотря на это, стараются и рвутся улететь. Почему рвутся улететь? Потому что, во-первых, нехватка университетов колоссальная...»

Информант, помимо ответа на поставленный вопрос, также предлагает интерпретационные рамки: формулируя причины отъезда, он акцентирует

внимание на инфраструктурных ограничениях в родном городе. В данном отрывке заметно, как биографический нарратив выстраивается в соответствии с ожиданиями исследовательской ситуации. Отсутствие уточняющих реплик с моей стороны как интервьюера закрепляет эту версию субъекта. Я не вступаю в конфликт с социально одобряемым представлением об образовательном успехе и личной инициативе. То есть в данном случае интервью выступило как сцена для совместного воспроизводства «правильного» субъекта мобильности.

Говоря о конструировании «правильного» субъекта и о том, почему эта проблема не исчерпывается известным тезисом о несовпадении нарратива и опыта, необходимо сделать два уточнения. Во-первых, в моем случае проблемой становится не столько сам факт конструирования, сколько его невидимость для исследователя. Конечно, биографический подход предупреждает: нарратив — это ретроспективное упорядочивание опыта. Е. Рождественская, например, задается вопросом, идет ли в автобиографиях речь о текущих интерпретациях опытов или же личные биографии являются «прагматическими рассказами социально обусловленного Я» [Рождественская, 2012]. Однако методологическая ловушка заключается в том, что, разделяя опыт информанта, исследователь перестает замечать давление нормативности. То есть проблема лежит не в плоскости онтологии, а в плоскости эпистемологии, отражая, какие именно версии знания мы легитимируем своим молчаливым согласием. Интересно, что подобное воспроизводство не является прямой ошибкой интервьюера: я не создаю давления, не манипулирую вопросами. Оно осуществляется путем минимального вмешательства, молчаливой валидацией предлагаемых интерпретаций. Именно в таких ситуациях интервью приобретает характер нормативного согласия: социально (в лице интервьюера и информанта) одобряемые версии опыта оказываются наиболее безопасными и предпочтительными для артикуляции.

Во-вторых, в описанном кейсе схожесть опыта создает иллюзию прозрачности поля, которая оборачивается иной методологической ловушкой, описанной Квале. Исследовательское интервью, утверждает Квале, это «беседа между двумя партнерами на тему, интересующую *обоих*» [Квале, 2003]. То есть в процессе интервью мы и изучаем другого, и узнаем в нем себя, подтверждая собственные представления о норме. В ситуации, когда опыт исследователя и информанта пересекаются настолько, что их нарративы начинают зеркально отражать друг друга, интервью рискует превратиться из инструмента производства нового знания в механизм взаимного подтверждения уже существующих смыслов.

Таким образом, невидимость нормативного давления, отсутствие рефлексивной дистанции и молчаливое согласие с социально одобряемыми версиями опыта создают риск производства «гладкого» нарратива, который подтверждает ожидания обеих сторон, но оставляет за скобками сложность и противоречивость реального опыта.

Вместо заключения

Ситуации схожести опыта неизбежны при проведении социологического исследования. Степень схожести варьируется от сюжета к сюжету. Это значит, что в разных интервью на одну и ту же тему исследователь может сталкиваться как с частичными совпадениями биографических обстоятельств, так и с более глубоким пересечением жизненных траекторий. Такие пересечения влияют на способы постановки вопросов, реакции на высказывания информанта и последующую интерпретацию данных. Встает вопрос, стоит ли вообще использовать свой опыт при извлечении нарратива. Стоит ли заниматься темами, близкими исследователю? В методологических дискуссиях этот вопрос нередко формулируется в виде упрощенных или даже преувеличенных примеров: женщина-исследователь изучает женщин. Знает ли она об информантках значительно больше, чем мужчина-исследователь? Как быть в этом случае, кому проводить интервью? Этим вопросом, кстати, я задавалась еще на самых первых занятиях по методологии социологических исследований.

Подобная постановка проблемы предполагает выбор из двух крайностей: свой опыт становится или ресурсом, или искажением. Но в действительности такое разделение неприменимо. Собственный опыт исследователя невозможно «выключить», он будет неизбежно присутствовать в интонациях, наклонах головы, паузах или формах узнавания нарратива информанта. Суть в том, осознает ли это интервьюер и каким образом его опыт становится частью исследовательской ситуации. В итоге граница между пониманием и интерпретацией становится особенно проницаемой.

Разводя понятия «слушать» и «соучаствовать», исследователь шагает по тонкому льду интервьюирования. А если дискутировать о дальнейших действиях, то в ситуации схожести опыта и предварительного знакомства с полем уместно рассмотреть следующую последовательность переживания «знаемого» поля интервьюером.

Рекомендация может быть описана как переход от экзотизации исследовательского сюжета к распознаванию совпадений опыта и последующей дефамилиаризации. Такое отстранение может быть выражено как классическими приемами, так и личными находками исследователя. К классике отнесем, например, проявление исключительной тактичности при ведении разговора [Madge, 1963] или работу исследователя с собственными ожиданиями перед заходом в поле [Bradburn, 1983]. Из более современных находок прибегнем к универсальному совету «не навреди». И если исследователь осознает, что все риски нарушения объективности устранить невозможно, то такой совет будет простым правилом, которому можно следовать. Более эмпатично звучит правило: интервью должно пройти так, чтобы для информанта оно стало «значимым фактом дня» [Омельченко, 2020].

Завершающим этапом станет рефлексия интервьюером собственной позиции и тех невидимых форм власти, которые реализуются в ходе интервью через вербальные и невербальные знаки. Именно это, на мой взгляд, составляет специфику чувствительности «простого» поля: она обнаруживает

себя не при разработке инструментария, не во время проведения интервью, а на этапе аналитической рефлексии, когда мы задаемся вопросом, а все ли мы услышали?

Такое осознание позволяет зафиксировать моменты, которые требуют особой аналитической ответственности. Впоследствии, с опытом, такая рефлексия становится привычной и сопровождает каждый шаг исследования. Для начинающих исследователей, равно как и для опытных, такое признание методологических несовершенств позволит взглянуть на интервью как на пространство исследовательской ответственности, которое никогда не сможет стать нейтральным. Или сможет?

Литература / References

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Об основных векторах развития метода интервью // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 44–56. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517060046> EDN: YTMFMR

Veselkova N.V., Vandyshev M.N., Pryamikova E.V. (2017) On the Main Developments in the Methodology of Interviewing. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 6. P. 44–56. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517060046> (In Russ.)

Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. EDN: QXOYUJ

Kvale S. (2003) *Issledovatel'skoe intervyyu* [Research Interview]. Moscow: Smysl. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. «Я ничем вам не помог...»: исследовательская рефлексия вслед неудачному интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 81–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.5>

Omelchenko E. L. (2020) "I Didn't Help You in Any Way...": A Research Reflection After an Unsuccessful Interview. *Interakciya. Intervyyu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 1. P. 81–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.5> (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012) *Biograficheskij metod v sociologii* [Biographical Method in Sociology]. Moscow: Izd. dom VShE. (In Russ.)

Bradburn N. M. (1983) Response Effects. *Handbook of Survey Research*. С. 289–328.

Gunderson R. (2020) *Making the familiar strange: Sociology contra reification*. Routledge.

Holstein J. A., Gubrium J. F. (1995) *The Active Interview*. Thousand Oaks: Sage Publications.

Madge J. (1963) *The Origins of Scientific Sociology*. London: Tavistock.

Сведения об авторе:

Скорородова Нина Дмитриевна — стажер-исследователь, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** ndskorokhodova@hse.ru. **ORCID ID:** 0009-0000-3121-3170.

Статья поступила в редакцию: 14.02.2026

Принята к публикации: 18.03.2026

БАК: 5.4.1.

Sensitivity of a Familiar Field: Similarity of Experience and the Limits of Objectivity in a Biographical Interview

DOI: 10.19181/inter.2026.18.1.8

Nina D. Skorokhodova HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: ndskorokhodova@hse.ru

The article examines the sensitivity of the sociological field, which emerges not traditionally due to its traumatic nature or ethical danger, but because of possible similarities of the life experiences of the researcher and the informant. Based on the material of the biographical interview, the researcher shows how proximity to the field and the informant (age, biographical and contextual) transforms the research situation and blurs the boundaries between understanding and interpretation, empathy and methodological participation.

By analyzing the interview episodes, the article shows how the researcher's familiarity with the field contributes to the reproduction of a socially approved narrative, in particular, the figure of the "acknowledged" subject of mobility. The article also notes that in situations of similar experience, methodological tools turn from a fixed set of questions into a context-sensitive element of research practice.

The researcher pays special attention to the interviewer's reflexive position and the risks to the objectivity of the data that arise when working with "simple" and familiar fields. The article suggests considering the similarity of experience as an independent source of sensitivity and emphasizes the need for methodological reflection aimed at both protecting the informant and realizing research responsibility in situations of proximity to the field under study.

Keywords: interview in qualitative research; methodological reflection; biographic narratives; youth studies

Author Bio:

Nina D. Skorokhodova — Research Assistant, Center for Youth Studies, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** ndskorokhodova@hse.ru. **ORCID ID:** [0009-0000-3121-3170](https://orcid.org/0009-0000-3121-3170).

Received: 14.02.2026

Accepted: 18.03.2026